

ЛАММ Мария Андреевна / LAMM Maria

Институт славяноведения РАН / Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

lamm.maria@yandex.ru

**РЕЦ. НА КН.: Антология современной исландской поэзии /
Сост. и пер. О. А. Маркеловой. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. 156 с.**

REVIEW OF: Olga Markelova (ed. and transl.), *Antologija sovremennoi islandskoi poezii* (Moscow: IPO "U Nikitskikh vorot", 2018), 156 p.

Ключевые слова / Keywords: Исландия, современная литература, рок-поэзия, литературная традиция, образ России, экопоэзия / Iceland, modern literature, rock poetry, literary tradition, the image of Russia, Ecopoetry

Антология современной исландской поэзии вышла в свет в 2018 г. при поддержке посольства Исландии¹. В книгу вошли стихи двадцати современных исландских поэтов разных поколений в переводах кандидата филологических наук О. А. Маркеловой, специалиста по скандинавской литературе, переводчика с датского, исландского, норвежского и фарерского языков. Издание приурочено к двум юбилейным датам: 100-летию суверенитета страны и 75-летию установления дипломатических отношений между Россией и Исландией. Оно предваряется обращением посла Исландии в России Берглинда Аусгейрсдоттир, в котором подчеркивается высокий уровень выполненных переводов. Предисловие от переводчика представляет собой экскурс в историю и современность исландской литературы, которая рассматривается в качестве самостоятельной системы, развивающейся внутри общеевропейского контекста. О. А. Маркелова также дает широкую литературно-страноведческую перспективу, благодаря которой читатель может увидеть авторов антологии в контексте и пространстве современной литературы Исландии. Справочный аппарат представлен двумя библиографическими списками: издания, с которых осуществлялся перевод, а также другие переводы современной исландской поэзии, выполненные О. А. Маркеловой.

Названия всех стихотворений даны на русском и исландском языках, некоторые тексты приводятся параллельно. Творчество каждого поэта предваряется его краткой биографией и характеристикой литературно-эстетических особенностей творчества. Переводы выполнены на высоком художественном уровне с сохранением формальных и ритмических особенностей оригинальных текстов. Необходимо отметить обширные комментарии, в которых переводчик указывает на не всегда очевидную для русского читателя связь конкретных стихотворений с исландской

---

¹ Антология современной исландской поэзии / Сост. и пер. О. А. Маркеловой. М., 2018. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках.

поэтической традицией: как на тематическом, так и на формальном уровне. О. А. Маркелова выделяет различные отсылки к древним текстам и национальному фольклору, подчёркивает случаи использования или отхода от традиционной формы. Благодаря подробным комментариям даже малознакомый с традициями исландской литературы читатель может соотнести текст и контекст, увидеть целостность развития национальной литературы.

Как отмечает О. А. Маркелова, «Исландия без стихов — картина столь же неполная, как Исландия без ледников и вулканов» (с. 4). Действительно, поэтическая традиция в стране непрерывно развивалась с момента заселения острова, она сохраняет свою цельность и сегодня. Это не означает, что исландской литературе неизвестны или чужды эстетические поиски, характерные для европейской литературы, скорее новое переосмысляется в живом диалоге с истоками культуры. Данная особенность находит свое отражение в стихотворении «У Европы на полях» (с. 50–51) Сигурда Паульссона (1948–2017), одного из наиболее «европейских» современных поэтов Исландии:

Я на полях у Европы — и отсюда
смотрю на вечность континента.

Как всегда, там спорят
оптимизм с нигилизмом.

Мы написали заметки на полях
Европы
к её основному тексту.

Мы на той же странице,
только на полях.

Стихотворение опубликовано в книге «Стихи помнят голос» в 2016 г. Здесь очевидна отсылка к средневековым маргиналиям — заметкам на полях, своеобразному пограничью, где существовала свобода самовыражения, немислимая в центре листа². Такой «заметкой на полях», в частности, стала исландская рок-поэзия, где «не прижился пессимизм, характерный для западноевропейского панка; запад был оптимистический, господствовала вера в творческое и социальное раскрепощение, а идеи деградации и вырождения отразились только в эстетических

---

² См.: Зотов С. О., Майзульс М. Р., Харман Д. Страдающее Средневековье: Парадоксы христианской иконографии. М., 2018.

установках»³. В текстах этих авторов множество отсылок к традиционным образам и сюжетам, однако характерной чертой является их юмористическое и травестийное переосмысление: героическое становится будничным и обыденным. Иными словами, традиционный литературный контекст пересматривается в соответствии с эстетическими и мировоззренческими потребностями эпохи. По мнению О. А. Маркеловой, такая модель «проясняет сущность и законы действия литературной традиции: возможно, вся она — лишь случайность, т. к. любое содержание или смысловые связи можно изменять или уничтожать по своему усмотрению, а будучи вырван из контекста, известный сюжет или мотив лишается своего смысла на удивление быстро»⁴. Но быть может, именно так выглядит живая культура, литературная традиция которой актуализируется в новых условиях.

Даже наиболее новаторские произведения сохраняют свою связь с классической традицией исландской литературы, однако прошлое интересует авторов лишь постольку, поскольку его можно живо связать с настоящим. Здесь хочется вспомнить слова М. И. Цветаевой: «У них нет баррикад, но у них философские системы, взрывающие мир, и поэмы, его заново творящие»⁵. Эта мысль, высказанная поэтессой по поводу немцев, вполне применима именно к исландской поэзии, хотя философские системы чаще приходят из внешнего мира. Действительно, «литература на протяжении столетий определяла устойчивость самоидентификации исландцев»⁶, это «личность нации»⁷. Одной из важнейших особенностей современной исландской литературы являются своеобразные отношения между историей и современностью. Поэзия не обращается к ушедшему золотому веку, всемирно известным «Эддам» и сагам, но, безусловно, вырастает из них. Это особенно очевидно на примере исландской рок-поэзии, которая уже в момент своего появления была включена в корпус литературных текстов и привлекла внимание литературоведов «как качественно новая форма поэзии, явление, революционное для всей исландской словесности»⁸. Для исландского панка вполне естественна связь с корпусом текстов классической литературы, что в принципе характерно для текстоцентричного рока. Однако в исландской поэзии, где традиции устной литературы на момент возникновения контркультуры

---

³ Маркелова О. А. Очерк истории исландского панка // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. Тверь; Екатеринбург, 2007. Вып. 9. (Памяти Ильи Кормильцева). С. 263.

⁴ Её же. Взаимодействие с предшествующей культурной традицией в исландском роке: Мегас // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. Тверь, 2005. Вып. 8. С. 189.

⁵ Цветаева М. И. Собрание сочинений в семи томах. М., 1994. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. С. 552.

⁶ Коровин А. В. Исландская литература в Америке (к вопросу о национальных границах в литературе) // *Studia Litterarum*. 2016. № 1–2. С. 193.

⁷ Султанов К. К. Прошлое в настоящем: историческая память как ресурс самоидентификации в постсоветской литературе // Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности меняющихся контекстах. М., 2017. С. 11.

⁸ Маркелова О. А. Очерк истории исландского панка. С. 265.

были достаточно распространены, произошло заметное взаимовлияние этих поэтических моделей: «с пришествием рок-культуры в Исландию в 1960–1970-х гг. эта “вторичная устная культура”... попала на почву еще живой “первичной” устной поэтической традиции, что определило характер исландского рока»⁹. Переосмысление традиции, таким образом, не порождало дискурса революционного отрицания. Ярким примером подобного диалога служит стихотворение Тоурарина Эльдьяртн (род. 1949) «Бьёрк и Снорри в Париже» (с. 57), опубликованное в книге «Грани и границы» в 2005 г. В этом стихотворении лирические герои сперва видят высеченную на почетном месте в библиотеке Женевьевы надпись «Снорро-Стурлесон», а затем встречают на бульваре огромную афишу Бьёрк:

Проигрывает Снорри в споре с нею!
Она Исландию везде представит броско.
Мы поняли: она его главнее —
на стогнах мира юная берёзка.

Тоурарин Эльдьяртн, подчеркивающий связь своего творчества с древней поэтической традицией, не разделяет культуру Исландии на высокую и низкую: древнеисландский скальд Снорри Стурлусон и современная певица Бьёрк равноправны.

В исландской поэзии второй половины XX в. важнейшее место занимает экотекст, где «автор выдвигает на первый план идею взаимосвязи и взаимозависимости происходящего в природном мире, признаёт внутреннюю ценность не только человека, но и всего природного мира. Автор сознаёт возможность экологической катастрофы и пытается найти основу для гармоничного существования человека с остальным природным миром»¹⁰. Эта тема как на глобальном, так и на локальном уровне особенно характерна для творчества Вильборг Дагбьяртсдоттир (род. 1930). Так, в стихотворении «Весна» (с. 21), опубликованном в книге «Листва на деревьях» 1960 г., лирической героиней отчетливо ощущается возможность катастрофы, это ее повседневность:

Смущённая, я считала
яйца в найденном нами гнезде:
по старинным поверьям — столько же
у меня родится детей.

⁹ *Её же*. Взаимодействие с предшествующей культурной традицией в исландском роке. С. 200.

¹⁰ *Гречишкина С. В.* К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 9.

а потом я склонила голову
 другу на плечо — и спросила:
 «А в росе на Иванову ночь – тоже есть
 радиоактивная пыль?»»

Характерная для исландской литературы опора на историческую традицию здесь позволяет создать яркий образ оппозиции двух реальностей. Мир лирической героини расколот: с одной стороны, традиционные мечты молоденькой девушки о семье и детях, и этот образ подчеркивается названием стихотворения и упоминанием Ивановой ночи, а с другой стороны, та же девушка спрашивает возлюбленного о радиоактивной пыли, что немедленно переносит читателя в современность.

В стихотворении «Родной язык» (с. 22–23), опубликованном в 1976 г. в журнале «Тимарит маульс ог меннингар» (*Tímarit Máls og menningar*), поднимается проблема изменения человеком окружающей среды в угоду сиюминутным потребностям. Поэтесса обращается к самому смыслу слов, связывает их с детскими воспоминаниями, рассказывает о том, как слово «озеро» становилось для неё в детстве реальностью, данной в ощущениях. Однако,

Сейчас того озерца
 давно уже нет:
 его засыпали англичане,
 чтобы сделать в долине
 хорошее футбольное поле, —
 однако все озёра
 я мысленно сравниваю
 только с ним.

Таким образом, незначительное на первый взгляд событие — исчезновение небольшого озера — оказывается связанным с самыми разными процессами, в том числе — с изменением семантического наполнения языка. Кольцевая композиция образуется дедуктивным способом: от зачина «У слов есть значение/чётко определённый/конкретный смысл» до завершающей строки «у слова “озеро” есть смысл». Общефилософское рассуждение, таким образом, приобретает предельную конкретность.

Экопоэтика в современной исландской литературе переплетается с проблемой урбанизации, и, следовательно, разрушения традиционного уклада. Подобные мотивы звучат в стихотворении Сигурда Паульссона (1948–2017) «Единственные короли Исландии» (с. 50), опубликованном в книге «Стиховластие» в 1990 г.:

Нам птицы укажут тропу, что давно заросла
под дёрном сокрылась, — и плотный ветер
качает стебли — где раньше были
сгинувшие хутора и заросшие дороги.

А птицы укажут нам путь по заросшему дёрну
по сгинувшим хуторам; на них короли
сидели — писали: короли стиха и рассказа
на маленьких хуторах — а в головах весь мир.

Нам птицы укажут светлым полётом
путь, что ведёт лишь вверх и вперёд,
путь, что ни время, ни тленье не тронет,
путь по строкам, что короли записали.

Рухнули хутора; нет больше дорог.
Лишь путь стиха и рассказа для всех открыт.

Здесь метафорически изображается контекст, в котором исторически существовала исландская поэтическая традиция, где культура развивалась и воспроизводилась на хуторах. Сегодня, когда городское население превалирует над хуторским, прежний мир сохраняется и воспроизводится лишь в поэзии.

Отдельно интересен образ России в современной исландской поэзии. Наша страна упоминается в некоторых стихотворениях антологии, при этом лишь один поэт связан с Россией своей профессиональной деятельностью — Ингибьёрг Харальдсдоттир. Российская семантика возникает как часть существующего мира, однако во всех случаях происходит отождествление с личным или национальным опытом, более того — упоминания всегда конкретны и апеллируют к определённым явлениям российской истории и культуры. Такое изображение нашей страны в принципе характерно для исландской литературы XX в.: «В первую очередь, не фиксация впечатлений от знакомства с культурой конкретной страны, а часть идеологических дебатов своего времени»¹¹. Подобным образом осмысление российской темы происходит и в современной исландской поэзии.

Например, в стихотворении Андри Снайра Магнасона (род. 1973), романиста, драматурга, поэта и автора детских книг, российская семантика возникает в контексте значимых для времени экологических проблем, что в принципе характерно

---

¹¹ Маркелова О. А. Советский текст исландского рока? Альбом Валюра Гюннарссона “Vodka Songs” // Русская рок-поэзия. Текст и контекст. Екатеринбург, Тверь, 2011. Вып. 12. С. 289.

для творчества этого автора. Так, в стихотворении «Человек есть то, что он ест-2» (с. 111–112) центральным образом является нефть, заполняющая собой весь мир:

Я — не 70% воды,
 Я — 95% нефти
 Рыба — не рыба,
 Она — та нефть, которая достала её из моря.

Зерно — не зерно,
 а сеявшая нефть и нефть для молотилки
 и нефть, которая довезла его до меня.

Я — Саудовская Аравия, я — Баренцево море,
 я — пустыни Ирака и Ливии,
 я — Техас.

Человек есть то, что он ест.
 Я — папоротниковая пустошь Пангеи,
 я — птеродактиль, я — тираннозавр рекс.

Я хладнокровно жму
 до отказа педаль газа.

Стихотворение опубликовано в книге «Стихи из супермаркета “Бонус”» в 1996 г. Проблема личной вовлечённости каждого в безудержное потребление подчёркивается здесь через самоотождествление. Баренцево море, как один из крупных центров нефтедобычи, стоит здесь водном ряду с Саудовской Аравией, Техасом, пустынями Ирака и Ливии. В следующей строфе происходит на первый взгляд диаметрально противоположное самоотождествление с папоротниковой пустошью Пангеи и вымершими видами животных. Тем не менее противопоставление отсутствует: огромные папоротники, служившие пищей динозаврам, начали вымирать в результате экологической катастрофы, из полуразложившихся папоротников мезозойской эры появилась нефть. В таком контексте последняя строфа «Я хладнокровно жму / до отказа педаль газа» приобретает угрожающий характер, это ускорение человечеством движения к новой катастрофе за счет беспечности по отношению к планете.

В стихотворении «Стихи о детях» (с. 105–106) Герд Кристни Гвюдйоунсдоттир (род. 1970) поэтессы, романиста и автора детских книг, сюжет из русской истории сплетается с темой трагических судеб детей вообще:

Нет, Оле-Лукойе не придёт
к детям Геббельса,
когда яд потянет их
в сумрачные бездны,

и на мягчайших веках —
ни малейших следов порошка.

А белая телячья шкура,
укрывающая бездыханных детей,
всегда вызовет вопросы.

Никому не ведомо, что
дети русской царской семьи
тоже лежат под мягкой шкурой
в мрачном березняке,

так что их никогда не отыщут.

Нет, там Оле-Лукойе тоже не проходил.

— А был там маленький Торд сын Кари,
защитник детей,
у которых нет никого,
кроме него.

Стихотворение из книги «Побережье», вышедшей в свет в 2012 г. Необходимо отметить, что совмещение в одном художественном пространстве детей Геббельса и детей Романовых не несёт идеологической оппозиции, это два актуализированных в 2011 г. случая варварской жестокости по отношению к детям. Оле-Лукойе олицетворяет в этом стихотворении беззаботное детство в противоположность маленькому мученику Торду, сыну Кари — персонажу широко известной в Исландии «Саги о Ньяле», по сюжету которой Торд погибает в огне вместе с Ньялем и его женой. Мальчик мог покинуть хутор, но предпочёл разделить участь семьи. После пожара тела погибших были найдены под воловией шкурой, не тронутые огнём. В одном стихотворении сплетаются три случая травмы исторического опыта, и, что вполне естественно для исландской литературы, художественное пространство XX в. существует наравне со Средневековьем.

Это не слепое осуждение жестокости мира, общества и обычая по отношению к детям, скорее речь идёт об осознании механизма возникновения подобных процессов. Как пишет о подобных процессах И. Е. Адельгейм, «постепенно формируемая культура памяти строится на разделении понятий прощения и забвения, памяти и мести, отказе от схем “ретроспективной героизации”, на способности взять на себя ответственность за темные страницы прошлого»¹². Маленький Торд, сын Кари — второстепенный персонаж «Саги о Ньяле», однако необходимость осмысления этого травматического опыта выводит его в стихотворении на первый план. Решивший остаться вместе с бабушкой Торд сын Кари становится покровителем и защитником тех детей, за которых решение приняли другие. Упомянутую в саге воловью шкуру поэтесса заменяет на телячью, из которой делается пергамент.

В произведениях авторов, чья профессиональная деятельность связана с Россией, семантические переходы более конкретны, однако строятся по той же модели. Так, у поэтессы Ингибьёрг Харальдсдоттир (1942–2016) есть стихотворение «Марине», посвященное Марине Цветаевой, фрагмент которого приведен в рассматриваемой антологии. Поэтесса в юности училась в Советском Союзе, позднее перевела на исландский язык произведения Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, М. И. Цветаевой и др. Стихотворение «Марине» (с. 37–38) было опубликовано в книге «Голова женщины» в 1995 г.

(V)

Порой я вижу тебя во сне,
 Марина, — и ты исчезаешь.
 И всё же тогда мне кажется,
 что перед этим
 ты быстро повернулась ко мне
 и улыбнулась
 той самой усталой елабужской улыбкой.
 И ты исчезаешь в лесу
 во мраке, и я вижу, как ты
 уходишь всё дальше и дальше,
 и я знаю, что этот мрак —
 этот лес, этот мрак
 в конце концов сомкнутся
 вокруг нас обеих,
 Марина.

¹² Адельгейм И. Е. Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010 гг.). М., 2018. С. 17.

Образ мрачного леса, метафорически связанный с прологом «Божественной комедии», Елабуга — самый страшный период в жизни М. И. Цветаевой, апофеоз отчаяния. И родство душ двух женщин, двух поэтов, ведь «и я знаю, что этот мрак — / этот лес, этот мрак / в конце концов сомкнутся / вокруг нас обеих, / Марина». Стихотворение очень личное, для русского текста в исландской поэзии оно скорее представляет собой исключение, чем правило. В стихотворении «Война» (с. 36–37), опубликованном в книге «Туда я хочу улететь» 1974 г., появляется более традиционный образ, Ингибьёрг Харальдсдоттир вписывает свою жизнь в контекст блокады Ленинграда:

В год, когда я родилась,
люди в Ленинграде
погибали от голода,
а сейчас они в общей могиле
под зелёной-зелёной травой,
и пожилые женщины
с цветами — у могилы,
и далёкий страх оживает
в их усталых глазах.

<...>

Время тогда было трудное?
девочка из Ленинграда
сидела в стужу — писала
в своём дневнике: Все умерли?
я осталась одна,
а через много лет
великий детоубийца
прочёл это и сказал:
Детство должно быть счастливым!

Когда я родилась, в мире шла война,
и с тех пор всегда где-нибудь
бывала война,
так что непросто
иметь счастливое детство,
когда с неба льётся огонь
и повсюду рыщут убийцы.

Помимо собственно событийного ряда, стихотворение отсылает к широко известному в России дневнику Тани Савичевой, где зафиксированы даты смерти родственников девочки. Напомнив об этом, Ингибьёрг Харальдсдоттир поднимает проблему войн в целом, которые не прекращаются в мире, и протестует против них, а также против милитаристской мифологии в целом. Это усиливается кольцевой композицией стихотворения, построенной по индуктивному принципу, от личного опыта («Как странно: меня никогда / не учили маршировать, / а ведь в детстве вокруг / было так много военных») лирическая героиня через образ отца переходит к общенациональному («Он был вовсе не воин, / он не мог убить крысу. / А я — его дочь, и меня никогда / не учили маршировать»). Таким образом, наличие биографической связи автора с Россией детерминирует появление более конкретного культурного кода, однако принципиально он от характерного для исландской литературы в целом не отличается.

В России широко известна древнеисландская литература, регулярно переиздаются Старшая и Младшая «Эдды», а также родовые саги. Современная литература Исландии известна у нас значительно меньше, и в заключение повторим слова переводчика рецензируемой книги О. А. Маркеловой: «Хочется надеяться, что эта антология современных поэтов Исландии, будучи первой, не останется единственной» (с. 19). Своеобразие современной исландской поэзии вырастает из актуализации современных проблем в контексте многовековой литературной традиции, благодаря чему этот голос обретает особенную выразительность: современность не противопоставляется «золотому веку» и не вырвана из исторического контекста, но непосредственно связана с прошлым и будущим. Благодаря «Антологии современной исландской поэзии» русский читатель может взглянуть на актуальные проблемы современности совершенно другим взглядом.

Список литературы

Адельгейм, И. Е. Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010 гг.) / И. Е. Адельгейм. — Москва : Индрик, 2018. — 648 с.

Антология современной исландской поэзии / сост. и пер. О. А. Маркеловой. — Москва : ИПО «У Никитских ворот», 2018. — 156 с.

Гречишкина, С. В. К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы / С. В. Гречишкина // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 387. — С. 8–14.

Зотов, С. О. Страдающее Средневековье : парадоксы христианской иконографии / С. О. Зотов, М. Р. Майзульс, Д. Харман. — Москва : АСТ, 2018. — 416 с.

Коровин, А. В. Исландская литература в Америке (к вопросу о национальных границах в литературе) / А. В. Коровин // *Studia Litterarum*. — 2016. — № 1–2. — С. 192–210.

Маркелова, О. А. Взаимодействие с предшествующей культурной традицией в исландском роке: Мегас / О. А. Маркелова // *Русская рок-поэзия: текст и контекст : сборник научных трудов*. — Тверь : Тверской государственный университет, 2005. — Вып. 8. — С. 188–201.

Маркелова, О. А. Очерк истории исландского панка / О. А. Маркелова // *Русская рок-поэзия: текст и контекст : Сборник научных трудов*. — Тверь ; Екатеринбург : б. и., 2007. — Вып. 9. (Памяти Ильи Кормильцева). — С. 261–270.

Маркелова, О. А. Советский текст исландского рока? Альбом Валюра Гюннарссона “Vodka Songs” / О. А. Маркелова // *Русская рок-поэзия : текст и контекст*. — Екатеринбург ; Тверь : Тверской государственный университет, 2011. — Вып. 12. — С. 287–293.

Султанов, К. К. Прошлое в настоящем: историческая память как ресурс самоидентификации в постсоветской литературе / К. К. Султанов // *Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности вменяющихся контекстах*. — Москва : ИМЛИ РАН, 2017. — С. 5–48.

Цветаева, М. И. Собрание сочинений в семи томах / М. И. Цветаева. — Москва : Эллис Лак, 1994. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. — 686 с.